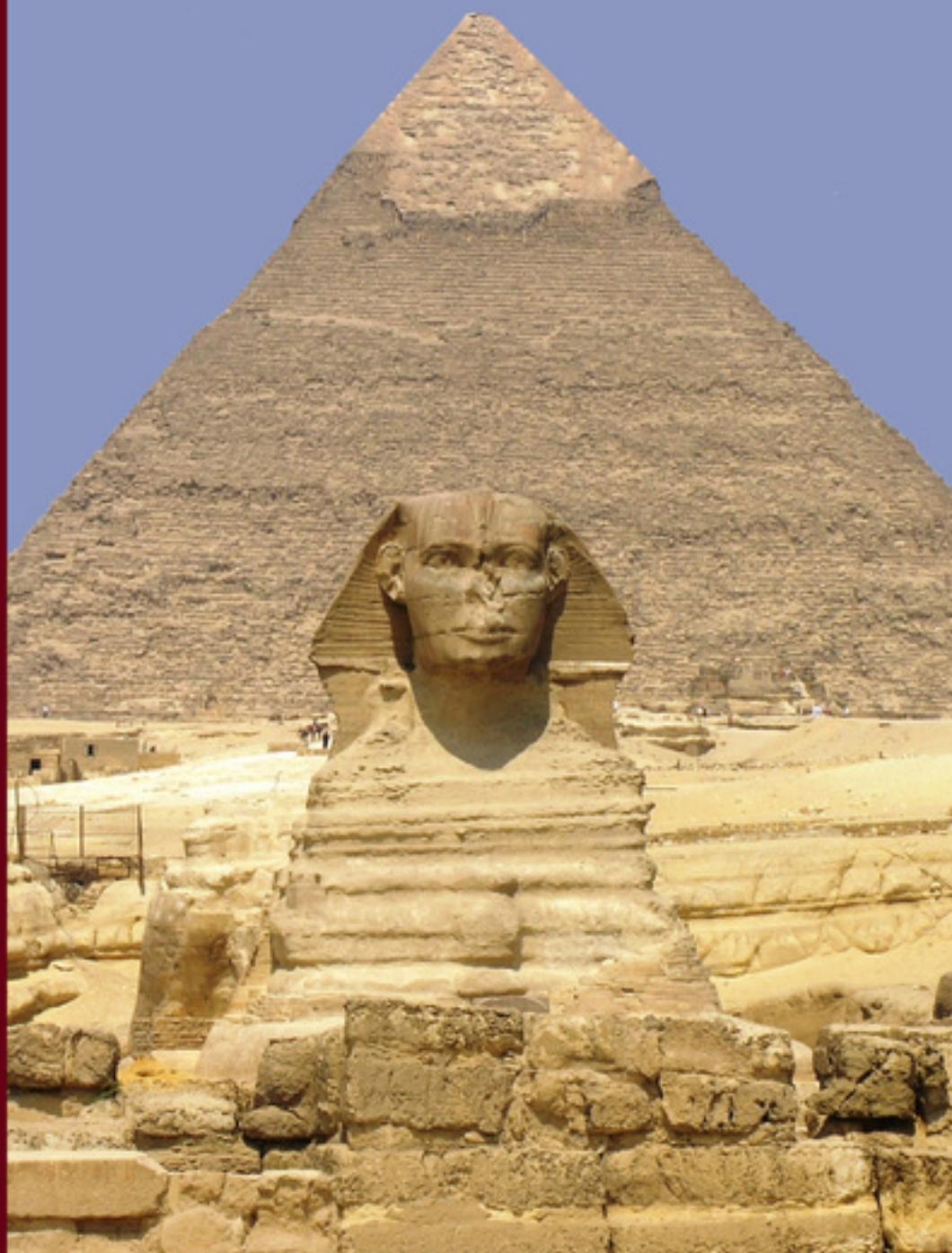

А. Морэ

ВО ВРЕМЕНА ФАРАОНОВ

Vita memoriae

Александр Морэ

Во времена фараонов

«ИП Карелин»

2014

Морэ А.

Во времена фараонов / А. Морэ — «ИП Карелин», 2014 — (Vita memoriae)

Книга известного французского популяризатора науки А. Морэ представляет огромный интерес и для специалистов по Древнему Египту, и для тех, кто увлекается историей и культурой этой древней страны. Хотя книга была написана почти сто лет назад, новейшие теории и открытия не обесценили труд ее автора. Живо, образно, остро, иногда полемично А. Морэ рассказывает об истории многих современных ему открытий и теорий, о реставрации египетских храмов, происходившей на его глазах, о полуполюгендарном периоде истории Древнего Египта – времени первых династий, о религии египтян, их представлениях о жизни после смерти. «Во времена фараонов» – первая книга из серии работ, посвященных Древнему Египту. Продолжает серию книга А. Морэ «Цари и боги Египта».

Содержание

От издательства	5
Во времена фараонов	6
I. Реставрация египетских храмов	6
II. Дипломатия фараонов	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Морэ

Во времена фараонов

*Посвящается
Виктору Берару*

От издательства

Книги известного французского популяризатора науки Александра Морэ давно и прочно вошли в корпус литературы по истории и культуре Древнего Египта. Удивительный факт: их с равным интересом читают и специалисты, и «любители» – люди, увлекающиеся этой далекой от нас цивилизацией. Но еще более удивительно то, что читают их с неослабевающим интересом, хотя почти за сто лет со времени их создания сделаны сотни открытий, написаны сотни исследований. Наука шагнула вперед, устарели многие факты, опровергнуты выводы. Но есть в этих книгах нечто, чего нет в других, и это не только уникальные фотоматериалы и рисунки.

Живо, образно, остро, иногда полемично автор рассказывает об истории многих современных ему открытий и теорий, о реставрации египетских храмов, происходившей на его глазах, о полуполюгендарном периоде истории Древнего Египта – времени первых династий, о религии египтян, их представлениях о жизни после смерти – и как-то ближе и понятнее становится эта культура, отделенная от нас тысячелетиями. Имена фараонов и богов, названия храмов перестают быть лишь строчками из учебников и научных трудов.

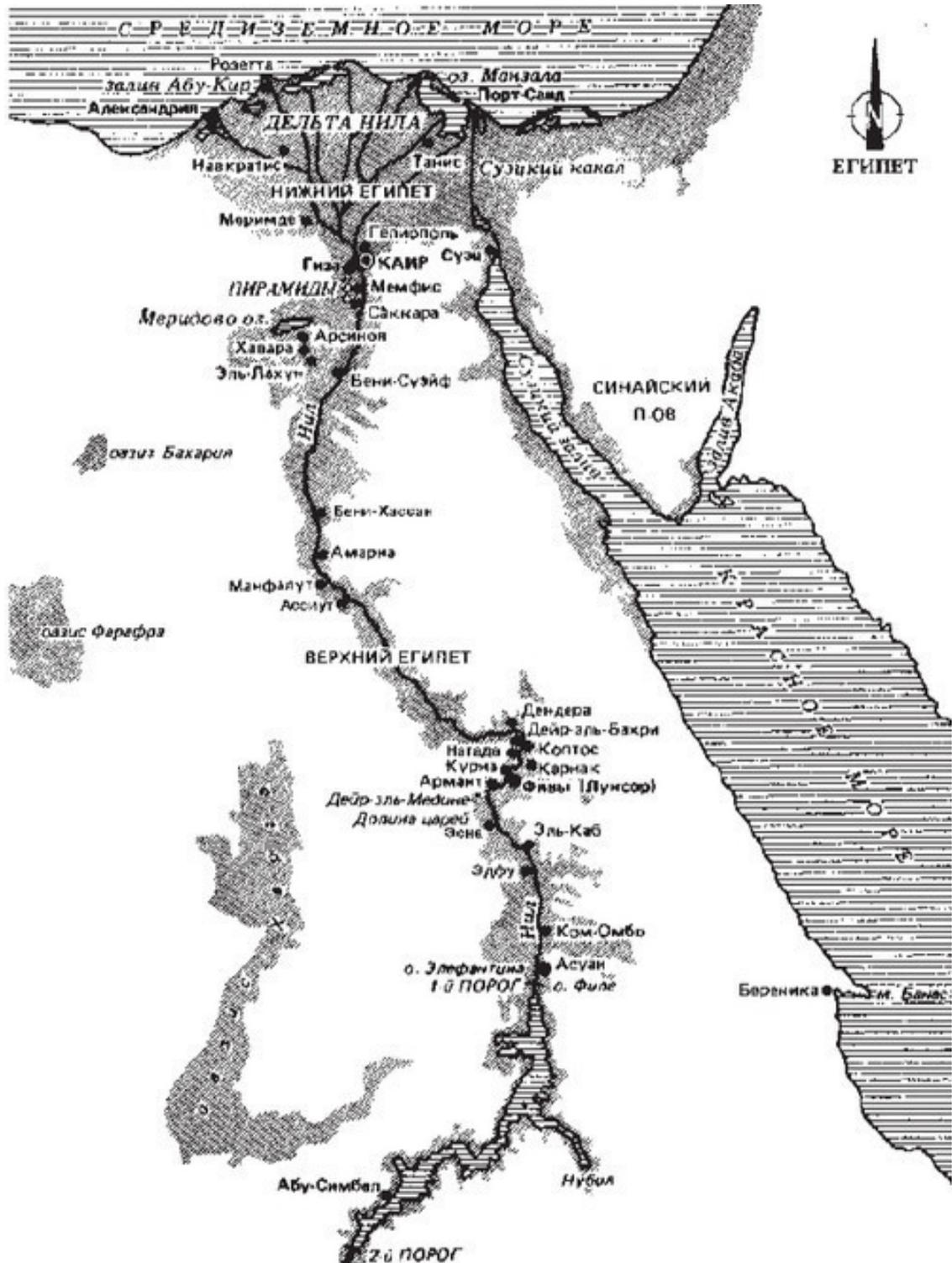
Наверное, не было в истории египтологии такого парадоксального времени, как рубеж прошлого и нынешнего веков. Сенсационные открытия следуют одно за другим – вспомните хотя бы гробницу Тутанхамона. Исследования приобретают не только массовый, но планомерный и подлинно научный характер. И еще: как писал сам А. Морэ, «интерес, пробужденный в публике египтологией... заставляет ее выйти за пределы круга ученых, которым она была ограничена». Это и явилось причиной появления книг, подобных той, которую вы держите в руках. Они не только удовлетворяют любопытство, но дают пищу и для ума, и для души.

Наше время тоже парадоксально. Парадоксален и возрождающийся интерес к Египту: за Египтом рекламным, туристическим, Египтом с пестрых обложек рекламных буклетов все более и более явственно начинают проступать контуры древней земли Кем, таинственной страны фараонов и богов, пирамид и храмов...

* * *

Издательство выражает искреннюю благодарность сотруднику Кабинета египтологии Института востоковедения РАН В.В. Солкину за помощь в подготовке книги и составление комментариев, которые отражают точку зрения современной египтологии.

Во времена фараонов

I. Реставрация египетских храмов

К началу нашего XX века многие из «вечных жилищ» Древнего Египта рухнули окончательно. Они держались так долго, что их привыкли считать несокрушимыми. Надписи име-

ную их «храмами миллионов лет, сооруженными в вечности и бесконечности». Казалось, эти предсказания вечности переживут и забытые догматы, и упраздненные обряды благодаря волшебной силе, которой некогда их считали одаренными.

Между тем, древнейшие из этих святилищ сильно пострадали. Что осталось от пышного сооружения с центральным обелиском, воздвигнутого Ниусерра V династии во славу Солнца, или от пирамидального храма, построенного одним из Ментухотепов XI династии?¹ Биссинг и Навиль, расчистив их, нашли одни обнаженные террасы, разрозненные барельефы, обваливающиеся колонны. В Карнаке, государственном святилище, где начиная с вождей первобытных* кланов вплоть до римских цезарей каждый фараон сооружал храм или часовню, опытный глаз мог различить неподалеку от пилонов Тутмоса чудесные обломки украшенных скульптурой камней, еще наполовину засыпанные землей; это были остатки исчезнувших чертогов, построенных Сенусертами и Аменхотепами. Но эти развалины ничего не говорили.

Взгляд отдыхает на сооружениях Рамсесов и Бубастидов.* Там, несмотря на груды развалин, общий план египетского храма все еще четко выступает из всей сложности постройки.

Аллея из сфинксов ведет к высоким воротам с двумя пилонами по сторонам, похожими на башни наших соборов. Перед воротами высятся два обелиска; стоящие и сидящие колоссы оберегают вход. Мы переступаем порог: прежде всего, обширный двор, окруженный галереями с колоннами или кариатидами; посередине жертвенник, где горят приношения. Покатый подъем отлого ведет в залу, называемую «гипостиль»: могучие колонны в несколько рядов поддерживают потолок из огромных плит на высоте двадцати метров над головой. Сюда был открыт доступ толпе верующих – в Новый год, в праздник времен года и другие праздничные дни божественного и царского культа, здесь они любовались шествием богов и царей. После раскаленного солнцем и залитого ослепительным светом двора здесь можно было насладиться прохладой и полумраком высоких крытых помещений. Дальше не дерзал ступить никто, если по рождению или посвящению не принадлежал к божественному роду; верховные жрецы и цари одни лишь проникали в святилище, центральный покой, тесный и массивный, где входная дверь была единственным отверстием. Там, за этой дверью с печатями и засовами, в полном мраке покоилась в глубине гранитного ковчега или корабля статуя бога: в часы жертвоприношений его пробуждали священные обряды.

Ни один из храмов второго периода не дает такой цельной общей картины, но в каждом храме хорошо сохранились отдельные части. От Курны, этого чуда египетского искусства, остался один полуразрушенный гипостиль да несколько богослужебных комнат; в Абидосе, относящемся к тому же времени, мы находим гипостиль и семь святилищ из белого, очень мелкозернистого известняка, покрытого тончайшими рельефами; в храме Рамсеса, единственном по благородной соразмерности его частей и великолепной медной окиси, покрывающей красный известняк его, остались только половина пилонов, обломки портиков и величественный гипостиль с уцелевшим потолком. В Луксоре не хватает одного обелиска²; колоссы разбились вдребезги; из двух дворов первый, с красивыми портиками, которые украшены «кариатидами», погребен под обломками, и над ним господствует неприкосновенная мечеть; во втором дворе, с рядами изящных колоннад Тутмоса III, стены частью разрушены.* Несколько храмов, более или менее цельных, меньших размеров, сохранились в Карнаке: это храмы Хонсу и Рамсеса III; зато в большом храме Амона, за исключением двора, где из десяти гигантских колонн лишь одна-единственная все еще возносит к небу свой цветок лотоса, и колоссального гипостиля без потолка, – всюду падающие развалины пилонов, распавшихся стен, рухнувших потолков, неис-

---

¹ V династия – 2498–2491 гг. до н. э.; XI династия – 2498–2491 гг. до н. э. – *Прим. ред.*

² Этот обелиск украшает площадь Согласия в Париже. Второй, также подаренный Франции, остался доселе не вытребованным.

требимый хаос, над которым царит «каменных игл безмерный порыв»³. Единственные храмы этой эпохи, больше других пощаженные временем и сохраненные людьми, это те, которые были высечены в скале: в Дейр-эль-Бахри подземные части остались нетронутыми, как и большой спеос Абу-Симбела*; лучи восходящего солнца проникают до самой его глубины, и вход в него стерегут четыре колосса, высеченные прямо в скале.

Тем не менее в Египте существуют храмы почти цельные, а именно отстроенные Птолемеями и цезарями в Эдфу, Филе, Дендера. На тысячу лет моложе, заботливо охраняемые до IV века н. э., они лучше других устояли перед действием разрушительных влияний. Сравнивая их с храмами предыдущих эпох, мы находим больше определенности и единства в их плане; быть может, гармоничность и чувство меры в эллинском искусстве оказали свое влияние на последних египетских зодчих. Радоваться этому, однако, нельзя. Самые большие из птолемеевских храмов уже не производят впечатления того героического величия, которым веет от Карнака или храма Рамсеса: их профиль сух и жесток, их линии кажутся урезанными даже тогда, когда они несоразмерно велики. Украшения их не столько богаты, сколько обильны; рельефы являются чем-то средним между реалистической лепкой эллинского искусства и иератической сдержанностью старинного народного стиля, отсюда эти удручающие однообразные фигуры, которые производят такое тягостное впечатление при посещении Эсны и Дендера. Оставляя в стороне эти критические замечания, мы можем только любоваться красивой стройностью храма в Эдфу, прекрасными расцветными колоннами в Филе с их разнообразными капителями изящной, еще свежей раскраски, гипостилем Дендера, где в полусумраке, под тяжелыми плитами потолка, с верхушки каждой колонны улыбается жуткий лик богини с длинными глазами, с острыми ушами, увенчанный капителью в виде систра.* Но главный интерес этих памятников заключается для нас в их неповрежденности. Как было сказано кем-то, собрание жрецов Хора в Эдфу могло бы в несколько часов восстановить богослужение в храме. Недостаёт лишь священной утвари, статуй богов да жертвоприношений; все остальное налицо – ритуальные тексты и картины, календарь праздничных дней, каталог священных книг...

В итоге от храмов, предшествующих XVIII династии, не осталось почти ничего кроме обломков и подземелий, ценных для одних археологов; здания последующего периода дошли до нас разрушенными более чем наполовину, и только храмы позднейшей постройки все еще словно бросают вызов векам.

Небесполезно подчеркнуть эти различия, ибо установилось ходячее мнение, почти обычное даже для тех, кто посетил Египет, что храмы фараонов вообще не подвержены действию времени; кажется, будто в этих древних развалинах так давно угасла всякая жизнь, что иссякли даже и самые силы разрушения: подобные мумиям, рассеченные тела храмов лежат на земле в состоянии чудесной и бесконечной сохранности. Впечатление весьма ошибочное. От этих иссохших камней жизнь не отлетела: постепенное разрушение и превращение продолжает свое дело и за последнее время проявило себя такими катастрофами, которые были бы непоправимы, если бы не бдительность Попечительства о древностях*.

* * *

Из причин разрушений одни случайны и преходящи, другие существенны и постоянны. Для их устранения Попечительству о древностях пришлось прибегать то к частичным мерам охраны, то к полной реставрации.

К числу причин преходящих следует отнести прежде всего недостаток подновления всех храмов, по крайней мере, за 1500 лет. К концу IV в. эдикт Феодосия I воспретил все культы, кроме христианского: храмы фараонов, в значительном количестве уже приходившие в упа-

---

³ Хосе-Мария де Эредиа.

док, были предоставлены разрушительным влияниям времени и рук человеческих. Между тем, легко себе представить, какого бдительного попечения и подновления требовали такие значительные и многочисленные сооружения. Архивы храмов показывают, что новые святилища эпохи Птолемеев в первоначальном своем виде существовали уже во времена мемфисских и тинских фараонов, за четыре тысячи лет до того. Отсюда непрерывные перестройки.

Так, например, в Дендера Тутмос III, XVIII династии, восстановил памятник по старым планам, относящимся к царствованию Хеопса и уже послужившим царю Пиопи I, VI династии;⁴ если верить преданию, найденному Шаба в Берлинском папирусе, храм в Дендера существовал задолго до основателя Великой пирамиды, еще во времена царя Усефаиса I династии.⁵ Эти свидетельства отчасти подтверждаются барельефом, найденным в одном из подземных склепов храма, с изображением статуи царя Пиопи I, которому поклоняются как одному из основателей святилища.⁶ Вспомним теперь, что нынешний храм был перестроен в I столетии до н. э., и представим себе, сколько последовательных усилий было затрачено в одном этом месте на протяжении четырех или пяти тысячелетий для сохранения святилищ.

Неудивительно, что поддержание храмов было одной из постоянных забот фараонов тех эпох и одной из причин вынужденной щедрости и полезных подарков, которыми они осыпали касту, чьему попечению вверено было благоустройство зданий. Иногда обычных доходов оказывалось недостаточно; после больших нашествий пастухов⁷, ассирийцев, персов и т. п., когда храмы предавались разграблению или бывали запущены, приходилось отстраивать их заново или производить сверхсметные работы. Царь брал это лично на себя, будь то фараон Птолемей или цезарь; на нем, сыне богов, лежала забота о содержании семейного очага и жилища своих отцов. Вот одно из сотен хвалебных повествований, которые вырезаны на плите, помещенной на видном месте после подобного рода обновительных работ. Здесь речь идет о Тутмосе III и храме Птаха в Карнаке.

«Мое Величество повелел соорудить этот храм Птаха в Фивах. Понеже мое Величество храм этот, построенный из кирпича, с колоннами и деревянными воротами, застало в состоянии, близком к разрушению, мое Величество повелело заново произвести измерение по шнуру (дабы обозначить границы) этого храма, восстановив его из хорошего белого камня, весьма прочного, а окружающую стену из кирпича, выделки весьма прочной, вечной; потом, когда мое Величество водрузило в нем ворота из дерева молодой акации из страны Ступеней, с петлями из азиатской меди, и когда храм Птаха возник заново во имя моего Величества... я украсил святилище его сплавом золота и серебра из разных стран, и все священные сосуды были из золота, из серебра и всякого рода драгоценных камней, а белье из тонкого белого полотна. Когда мое Величество водворило бога на его место, я наполнил храм его всякого рода добром хорошего качества, быками, гусями, ладаном, вином, всякими припасами, всеми ежегодными плодами земли...»

И каково бы ни было реальное значение реставрации – неизбежное заключение: «Ничего подобного не было еще совершено для бога до времен моего Величества».⁸

Если бы по исчезновении фараонов и жрецов храмы были предоставлены самим себе, они восторжествовали бы над веками благодаря прочности материала и превосходному климату, но люди недостаточно забросили их. Языческих жрецов сменили христианские монахи; с благочестивым варварством они преследовали ложных богов вплоть до их убежищ, разбивая статуи, искажая барельефы, раздробляя надписи. В Дендера они закоптили потолки зал дымом

⁴ Du.. michen. Bauurkunde, табл. XVI.

⁵ Chabas. Sur l'antiquité de Denderah (Zeitschrift für aegyptische Sprache, 1865, с. 92). Усефаис – также принят вариант Ден (I династия, ок. 3050 – 2890 гг. до н. э.).

⁶ Mariette. Denderah, III, табл. 71–72.

⁷ Гиксосов. – Прим. ред.

⁸ G. Maspero. Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions, 1899.

своих бивуаков; в Луксоре превратили преддверие святилища в церковь; до сих пор штукатурка, которой они замазали сцены египетского ритуала, оскверняет стены, скрывая рельефы Аменхотепа III. В других местах они понаписали крупными буквами отрывки из св. отцов, постановления соборов, целые проповеди на коптском языке.

От смены повелителя и религии, при переходе Египта к исламу арабов, а затем – турок, памятники фараонов не выиграли ничего. Поколения иконоборцев набросились прежде всего на статуи и рельефы и довершили гнусное дело христиан: тогда-то был изуродован Сфинкс, несмотря на восхищение им таких ученых, как, например, Абд-эль-Латиф. Потом, особенно в Дельте, храмы превратились в каменоломни; из обломков известняка, покрытых лепной работой, выделывали известь; гранитные части служили избранным материалом для водоемов в фонтанах, для порогов у мечетей, для дворцовых стен. Чтобы изучать остатки памятников Мемфиса или Гелиополя, теперь нужно обходить, как это делал Даресси⁹, улицы Каира, выискивая куски плит, обломки рельефов, там и сям теряющиеся среди лепных работ мечетей или мусульманских дворцов. Это систематическое разрушение длилось до наших дней: храм Арманта, последнее воспоминание о старейшем фиванском святилище, существовал еще в начале XIX века; он послужил каменоломней для строителей сахарных заводов, насажденных в стране европейской цивилизацией; от храма остались теперь одни бесформенные обломки.

Иногда простое соприкосновение современной жизни ускоряет разрушение храмов. Во многих местностях они очутились в самых недрах частных домов, наподобие наших соборов, сжатых в средние века среди кучи квартир и лавчонок. С течением веков эти дома, построенные из кирпича и земли, разрушались и отстраивались несчетное число раз; но при каждой новой постройке никто не давал себе труда снести стену до самого основания. «Равняли поверхность развалин и строили на несколько футов выше, чем раньше, так что каждый город лежит на одном или нескольких искусственных холмах, вершины которых нередко поднимаются на двадцать-тридцать футов над окружающей местностью»¹⁰. Так-то большая часть храмов Верхнего Египта, несмотря на высоту своих стен, была заживо погребена под обломками мертвых городов или постройками живых селений. В Дендера под кровлей малого храма до сих пор еще громоздятся груды развалин; чтобы проникнуть в гипостиль большого храма, пришлось в такой горе мусора прорыть глубокий ров.¹¹ Потолок гипостиля в Эсне, лежащий на колоннах в двадцать метров высоты, находится в настоящее время¹² на уровне почвы, образовавшейся из пластов последовательных наслоений; до первоначального уровня земли приходится спускаться, как в погреб, по очень крутой лестнице; следующее за гипостилем святилище погребено под современными домами. Чтобы раскопать Эдфу, «освободить его от его обитателей и очистить его во имя науки», Мариетту понадобились месяцы утомительного, нескончаемого труда, а ниже мы увидим, чего стоила Масперо расчистка Луксорского храма, над которым возник целый городок.

Подобное соседство в высшей степени губительно для античных зданий. Последние не только служат каменоломнями для постройки домов, балки которых пробивают рельефы, смолистая копоть очагов покрывает потолки, полы загрязняются отбросами и извержениями людей и животных. Мало-помалу наслоения старых кирпичей и позднейших развалин, на которых скапливаются навозные кучи и нечистоты, превращаются в почву, богатую селитрой и содой, которую туземцы называют себах; повсюду, где селитра соприкасается с камнем древних построек, она разъедает известняк, разлагает гранит, искрашивает песчаник. Таким образом, даже безучастная близость человека пагубна для покинутых храмов.

⁹ Annales du Service des Antiquités, IV, с. 101; ср. II, с. 95.

¹⁰ G. Maspero. Premier rapport sur les fouilles exécutées en Égypte de 1881–1885 (Bibliothèque Égyptologique, т. 1, с. 188).

¹¹ Со времени моего последнего посещения Дендера (1906 г.) произведены усиленные работы и расширен фасад храма.

¹² В 1913 г. – *Прим. ред.*

Сама египтология в своем начале приносила памятникам много вреда. Когда крупные научные экспедиции, сначала ученых, явившихся с Бонапартом, а потом снаряженные Шампольоном, Роселлини, Лепсиусом, открыли места некрополей и указали на выдающиеся образцы, любители и торговцы древностями набросились на храмы и могилы, научили грабежу коптов и арабов и собрали те причудливые коллекции, которые легли в основу наших египтологических музеев Парижа, Лондона, Берлина, Флоренции и Турина. Даже сам Мариетт, основатель Попечительства о древностях, начал с расхищения Египта, перевоза в Париж целыми тысячами найденные в Серапеуме памятники. Но в нем созрела мысль положить конец постыдному разбою, ставшему бичом Древнего Египта. «На моих глазах, – говорит он, – в течение четырех лет с равнины Абу-Сира и Саккара исчезло 700 могил». Вторично отправленный в Каир в 1857 г. с поручением исследовать местность Верхнего Египта под предлогом составления путеводителя для принца Наполеона, Мариетт добился от хедива Саида-паши следующей инструкции: «Вы должны следить за сохранностью памятников; вы скажете мудирам (губернаторам) всех провинций, что я запрещаю касаться какого бы то ни было древнего камня; вы отправите в тюрьму первого феллаха, который посмеет войти в храм». Принц Наполеон отказался от путешествия, но что важнее всего, Мариетт остался и был сделан 1 июня 1858 г. «директором работ по египетским древностям».

В начале Попечительства о древностях не было ни правильного бюджета, ни установленного штата; Мариетт пользовался правом собирать артели крестьян для раскопок и по мере надобности испрашивал кредит. Первые десять лет его управления не внесли значительного улучшения в судьбу памятников страны.

Чтобы узаконить существование Попечительства, Мариетт задумал основать музей в Каире и подверг систематическому расхищению местности Гизы, Саккара, Абидоса, Таниса, Саиса, «чтобы набрать памятников, побольше памятников». Когда музей был учрежден и снабжен редкими образцами, Мариетт получил возможность отдаться более научной работе. По настоянию европейских ученых Мариетт обратился к систематическим раскопкам и к изданию полного описания открытых памятников; он оборудовал мастерские в Эдфу, Дендера, Абидосе уже не для расхищения храмов в пользу музеев, а с целью извлечь из каждой местности все то, чего могла ожидать от нее наука. Смерть застигла его в 1881 г., в то время как он едва лишь успел взяться за эту вторую часть своей задачи, лишенный возможности отдаться ей целиком. Тем не менее, он оказал современному Египту громадную услугу, возбудив в нем интерес к охране его дивных античных сокровищ: «Не будь его, Египет долго продолжал бы еще уничтожать свои памятники и распродавать их по частям иностранцам, ничего не оставляя для себя; он заставил его сохранять их»¹³.

Преемник Мариетта, Масперо, с 1881 по 1886 г. дал истинно научное направление Попечительству о древностях; успеху общества способствовало коренное преобразование современного Египта, последовавшее за оккупацией англичан. У Масперо хватило мужества заявить, что раскопки должны стоять на втором плане в ряду забот Попечительства; главная же цель – в основательной расчистке памятников, их сохранении и ознакомлении с ними; пора заменить поверхностное знание всесторонним методическим изучением и описанием в целом. С этого дня Попечительство о древностях осуществилось на деле.

Расчистка храмов велась уже правильно в Эдфу, Дендера, Абидосе; Масперо сосредоточил свои силы на строго определенном районе и обратился к одному из позднейших зданий – к луксорскому. Задача была нелегкая: храм, который ученые египетской экспедиции, Шампольон и Лепсиус, застали еще частью незастроенным, «уже лет тридцать как был покрыт домами». На севере две башни по сторонам входных ворот, первый двор и окружающие его портики были более чем наполовину скрыты под кучей лачуг; тридцать домов и восемьдесят

¹³ G. Maspero. Biographie de Mariette (заголовок VIII тома «Bibliothèque Egyptologique»).

шалашей опирались о колонны, лепились вдоль стен и давили архитравы тяжестью своих кирпичей; два минарета мечети Абу-эль-Хаггага господствовали над этим нечистоплотным целым. Под большой колоннадой, соединяющей северный двор с южным святилищем, – два дома кади Эсны и агента консульства. Часть западного фасада, обращенную к реке, заслоняют жандармские казармы, тюрьма, почта, правительственные склады, Дом Франции¹⁴.

«За первым рядом лачуг раскинулся пустырь, заваленный обломками стен из утрамбованной земли и землянками, разбросанными группами по три, по четыре; между капителями колонн устроен загон для баранов и коз; голубятни из глины победоносно красуются на том, что уцелело от террас храма...»¹⁵ Понадобились долгие формальности и значительные расходы, чтобы выселить водворившиеся в этом здании семьи.¹⁶ Масперо преодолел все препятствия и сумел заинтересовать своим делом европейскую прессу; подписка, открытая «*Journal des Debats*» и «*Times*», дала 19000 франков.

Начатые работы облегчались содействием населения, которое поспешило удалить себах, послуживший превосходным удобрением; около 1893 г. после многих перерывов храм, наконец, был расчищен. Пришлось, однако же, отказаться от сношения мечети Абул-эль-Хаггага, которая и поныне загромождает северо-западную сторону первого двора.

Масперо уже вернулся во Францию (1887), когда был достигнут окончательный результат; его преемники – Гребо (1887–92), де Морган (1892–97), Лорэ (1897–99) – обратили свою деятельность на другие местности; но традиции упорных усилий, направленных на один, строго намеченный пункт, благополучно удержались. Даресси, уже заявивший себя работами в Луксоре, посвятил несколько кампаний удалению коптских домов из великолепного Мединет-Абу: с 1897 г. храм доступен во всех своих частях.^{17*}

Расчистка Луксора и Мединет-Абу не обошлась без неизбежных крупных поправок: там и сям нужно было отстроить обвалившуюся стену, восстановить рельеф, соединяя разрозненные куски, укрепить несколько колонн, скрыть под архитравами или притолоками железные брусья, подпиравшие по способу Легрена расшатанные камни, причем ремонт оставался незаметным. Таковы текущие работы по поддержке, которые Попечительство скромно и с пользой выполнило в большей части храмов Верхнего и Нижнего Египта.

Совсем недавно оказалось нужным применить эти ремонтные работы в качестве предупредительных мер к группе храмов Филе, которые с 1902 г. в течение шести месяцев в году затопляет задержка вод асуанскими плотинами. Прежде чем подвергнуть испытанию искусственного затопления старый песчаник, уже тысячи лет лишенный воды, Масперо поручил одному из своих самых опытных инспекторов, А. Барсанти, основательно очистить храмы от малейших следов селитры, замазать все щели и укрепить незаметными скрепами все расшатанные и разрозненные камни. Когда все меры были приняты, спустили на остров Филе речные воды, и вода, пропитав эту почву и эти камни, из которых она была изгнана с незапамятных времен, затопила пропилеи большого храма до высоты капителей, ворвалась во двор и залила полы гипостиля и святилища. С тревожным любопытством ожидали последствий применения этого варварского способа; до сих пор не произошло ничего неблагоприятного, ни один камень не сдвинулся с места, и цементные скрепы, которыми Барсанти забронировал стены, остались целы. Надеются значительно продлить устойчивость храма; по уверениям оптимистов, такое ежегодное очищение для него спасительно.

¹⁴ Этот дом служил квартирой технической миссии, отправленной в Луксор в 1830 г., чтобы снять с места обелиск, ныне находящийся на площади Согласия.

¹⁵ G. Maspero. Premier rapport sur les fouilles, exécutées en Égypte de 1881 à 1885.

¹⁶ Аналогичные переговоры завязаны в настоящее время, чтобы выселить туземцев, поселившихся во дворе и в святилище храма в Эсне.

¹⁷ Даресси дал превосходные «Заметки (Notices) о храмах Луксора и Мединет-Абу» (издание Попечительства о древностях).

Некоторые из храмов, от Филе до Вади-Хальфы, орошаются водами Нила. Масперо исчисляет в 600000 франков сумму, необходимую для того, чтобы временно оградить их от опасности. По правде сказать, никто не уверен в том, что периодическое затопление, которому их подвергают, не станет для них пагубным; но, во всяком случае, теперь Филе не угрожает никакая непосредственная опасность.^{18*}

Опыт с Филе доказал, как хороши принятые Попечительством охранительные меры; но по мере расширения области завоеваний приходилось обеспечивать и ее охрану. Так ячейка, весьма примитивная, созданная Мариеттом, превратилась в перворазрядное общественное учреждение, нечто вроде «Министерства Древнего Египта». Сердце и голова этого организма продолжают находиться в Каирском музее (сперва в Булаке, а потом в Гизе). Туда переносят редкие или хрупкие экземпляры, которые было бы слишком рискованно оставлять на месте. Так, например, этой зимой, когда Навиль нашел нетронутую часовню богини Хатхор с божественной короной, предметом культа, не решились оставить это сокровище в ущельях Дейр-эль-Бахри. Идол был положен в ящик, а часовня снесена с тем, чтобы восстановить то и другое в стенах музея.¹⁹

Однако в тех случаях, где это возможно, начинают охотнее оставлять памятники на месте: Легрен не тронул статуй в храме Птаха, и гробница Аменхотепа II была открыта для публики, уставленная всей погребальной утварью, какую нашел в ней Лорэ. Этому явно принадлежит будущее: было бы пустой мечтой рассчитывать собрать в Каире все статуи и все интересные документы, еще миллионами таящиеся в Египте; памятники эти будут гораздо красноречивее *in situ*, когда будет возможность обеспечить им полную сохранность и когда с развитием путей сообщения все местности станут легко доступны.*

Поэтому Попечительство вполне правильно принялось за децентрализацию: учреждены должности генеральных инспекторов для трех крупных областей – Саида, Файюма, Дельты²⁰; Легрен и Куибелл руководят двумя независимыми друг от друга мастерскими со складами, в Карнаке и Саккара²¹. В их ведении сотни сторожей (гафиров), набранных из среды наиболее образованных туземцев, наблюдают за туристами и торговцами древностей и по вечерам запирают храмы и гробницы на ключ. Легко себе представить, каких расходов требует увеличивающееся число служащих²², издержки на запоры памятников и возрастающая сложность работ. Поэтому помимо обычного своего дохода Попечительству нередко приходится прибегать к услугам Кредитного общества; с 1887 г. оно взимает сбор по 30 франков с туриста за посещение памятников;²³ оно разрешает раскопки частным лицам и обществам только в местах для этого подходящих и при условии дележа находками. Одним словом, в настоящее время весь Египет превратился в музей, находящийся под бдительным надзором. Хотя кража древностей и тайные раскопки все еще не редкость, но это уже далеко не тот систематический грабеж, который так пугал Мариетта. Местное правосудие научило воров, что всякое преступление по отношению к Древнему Египту карается денежной пеней, палочными ударами и годами каторжных работ так же строго, как преступления против современного общества.²⁴

Дело охранения будет полным только тогда, когда поколения ученых используют черную работу методических раскопок и приведения в порядок памятников, коим мы обязаны Попечительству, завершив это истинно научным описанием. Одна из очень слабых сторон египто-

¹⁸ G. Maspero. Rapport pour 1905. Ср.: *Annales du Service des Antiquités*, т. IV, V, VII.

¹⁹ Ср. Maspero. *Causeries d'Égypte*, с. 319.

²⁰ Под управлением Вейгалла, Лефевра и Эдгара.

²¹ Склады и мастерские Карнака располагают ежегодной суммой в 50000 фр., Саккара – 25000 фр. на экстренные работы по раскопкам и реставрации.

²² В 1905 г. Попечительство держало 250 гафиров постоянных и 200 временных.

²³ В 1905 г. сбор принес около 150000 фр.

²⁴ О современной деятельности Службы древностей можно прочитать в книге Элебрахта «Трагедия пирамид». – *Прим. ред.*

логии заключается в том, что имеются лишь весьма несовершенные списки текстов и таблиц; отсюда проистекает множество ошибок, неверностей и ложных толкований. Благодаря Попечительству многие храмы доступны в настоящее время во всех своих частях; чтобы понимать их свидетельства о прошлом, нужно было верить их знающим толкователям. Последние должны соединить в себе способности очень редкие – терпеливых и добросовестных переводчиков, обладающих испытанным методом и очень основательной эрудицией. Качества малообычные во всех отраслях знания, в египтологии как и в остальных науках. Археологический институт, существующий в Каире²⁵ на средства Франции, делал попытки – иногда удачные – дать описание памятников, которые выкапывает Попечительство, но средства его, во всех отношениях, слишком ограничены, чтобы быть на высоте задачи. Английское общество «Egypt Exploration Fund» поручило раскопки и описание храма Дейр-эль-Бахри Навилю, который справляется со своей задачей блестяще. Для составления же всеобщего каталога Каирский музей обратился к международному сотрудничеству²⁶; в будущем великому Музею, каким становится весь Египет, понадобится свой описательный каталог, и все вступят в добровольное состязание, чтобы великое предприятие Попечительства скорее принесло плоды.²⁷

* * *

Однако же охрана памятников является лишь одной, притом наиболее легкой, частью задачи, которую взяло на себя в настоящее время Попечительство о древностях. Заботы, которыми Мариетт и Масперо окружили храмы, не всегда могли спасти больных, хиревших вот уже две тысячи лет. Внезапные катастрофы вызвали необходимость других методов ухода, и неожиданно возникла громадная задача: полная реставрация некоторых зданий.

В Карнаке, в той части храма, которая больше других обещала неограниченную устойчивость, произошла катастрофа, обманувшая все надежды.

---

²⁵ Под последовательным руководством Масперо, Лефевра, Буриана, Шассина.

²⁶ Под руководством Масперо при временном содействии Пьера Лако.

²⁷ Этот всеобщий каталог Египта предпринял де Морган; после нескольких лет перерыва труд был возобновлен Масперо и включает в настоящее время памятники, сооруженные от Асуана до Ком-Омбо включительно. Однако издание это во многих отношениях оставляет желать лучшего. К счастью, Попечительство о древностях собирается приступить к целой серии монографий, где важнейшие памятники будут воспроизведены *in extenso*. Много лет понадобится, чтобы довести до конца это колоссальное предприятие

Рис. 1. Карнак. Гипостиль. Наклонившаяся колонна

Большой гипостиль, где Сети I и Рамсес II воздвигли 134 колонны в 22 м высоты в среднем ряду и 13 м в боковых, давно уже утратил свой потолок; это отняло значительную долю его прочности. Колонны, не скрепленные более тяжестью огромных плит, не разделенные строго определенными промежутками, стали подаваться; одни рухнули, другие понемногу наклонялись под тяжестью архитравов. Одна из них возбуждала удивление посетителей: это известная наклонная колонна²⁸, своим силуэтом пересекавшая по диагонали прямоугольник одного из малых просветов (рис. 1). Представьте себе колонну в 13 м высоты на 2 м в диаметре, косо пересекающую пролет и увлекающую в своем падении архитрав толщиной в три метра, колонну, которая одна могла весить 40 тонн. Вся эта масса удерживалась в равновесии отделившимся основанием колонны и наружным углом архитрава: последний задел за соседнюю колонну и нашел себе опору на пространстве нескольких сантиметров; кругом пустота; виден был просвет между архитравом и капителью, которой он касался всего лишь в двух точках. Каким образом поддерживающая колонна могла вынести вес этой движущейся массы, приблизительно в 200 тонн, которая внезапно ударилась о ее верхушку? Каким образом эти разъединившиеся камни не продолжали распадаться и сохраняли свою связь? Благодаря таким-то чудесам равновесия и устойчивости возникла непоколебимая вера в прочность развалин Карнака.

---

²⁸ Ныне разрушенная со времени работы по реставрации.

Рис. 2. Карнак. Обрушившиеся пилоны

Но вот в 1899 г. внезапно рухнуло одиннадцать колонн гипостиля; еще немного, и, подобно карточному замку, такая же участь постигла бы и остальные колонны.

Рис. 3. Карнак. Современный вид

Это было «3 октября, около 9 часов утра; один из сторожей, обходивший окружающую стену, услышал сильный грохот, похожий на гром. Он тотчас же бросился к храму и добежал до гипостиля как раз в тот момент, когда две колонны падали вдоль пилона Рамсеса. Другой сторож, находившийся у подножия обелиска Тутмоса, с испугу остался на месте, пока шум не замолк». Таким образом, никто не был свидетелем начала катастрофы. Легрен, у которого я заимствую этот рассказ, установил, что первоначальным фактом было случайное падение одной колонны: она опрокинула противоположную и увлекла ее вместе с архитравами, соединявшими их с соседними колоннами. Архитравы и распавшиеся сегменты сыграли роль метательных снарядов: семь колонн одного ряда опрокинулись, толкая друг друга, и так до последней; в параллельном ряду последовательное падение унесло только три жертвы и остановилось благодаря неожиданной устойчивости четвертой колонны. Все это было делом нескольких секунд. Представьте же себе, какое живописное и вместе с тем плачевное зрелище представляла хаотическая куча исполинских сегментов и огромных архитравов, громоздившихся на земле. Обломки от 10 до 15 тонн со всего размаха ударились о соседние колонны, нанеся им зияющие раны. В конце ряда две последние колонны всеми своими расцепившимися, но еще прилегающими друг к другу звеньями легли на наклонившуюся лицевую сторону пилона, который братски поддержал их в их падении (рис. 2 и 4).

Карнакская катастрофа поставила ребром спорный для египтологов вопрос: следует ли отстраивать древний памятник, если он обрушится? Ответ требовался безотлагательный: предоставить ли гипостиль своей судьбе или же доискаться причин разрушения и без малейшего промедления принять меры?

Масперо пришлось взять на себя ответственность за столь важное решение. Его глубокое знание египетских памятников, приобретенное за время предыдущего управления, его решительность и готовность приниматься за самые трудные задачи научного или практического свойства, которую дает светлый ум и большая опытность, привели к быстрому разрешению вопроса: нельзя допустить рухнуть здание, не истощившее своих сил противодействия, поврежденные части которого распались в силу изменения, с течением веков, условий существования и прочности.

Рис. 4. Карнак. Вид после землетрясения 1899 г.

Через две недели после катастрофы в Карнак прибыла комиссия специалистов, обсудила на месте вопрос и составила 28 октября доклад о необходимых работах и приблизительную смету расходов. 11 декабря Легрен оборудовал мастерские и склады и, запасшись инструкциями Масперо, без шума предпринял одну из самых опасных и самых серьезных работ, какие выпадают на долю археолога.

Слабым местом гигантского сооружения фараонов было несовершенство фундамента. Если работы производились не на скалистом грунте пустыни, зодчие нигде не могли опустить подземные работы на достаточную глубину, чтобы не встретить более или менее жидкой грязи на уровне просачивания Нила; поэтому они ограничивались удалением верхнего слоя почвы и устанавливали свой фундамент прямо на земле. В гипостиле Карнака подкоп достигал около 2 м глубины; там, на пластах наносной породы, смешанной с песком, соорудили небольшие каменные устои из крупных обломков песчаника, неровных, плохо обтесанных, сложенных в неправильные ложа. Добрая часть этих камней принадлежала первоначально одному зданию, построенному царем-еретиком, Аменхотепом IV, и благочестиво разрушенному его правоверными наследниками.* Иногда вместо валунов попадаются простые затычки из земли, осколков камня и черепков посуды. Заметим, что на этих устоях, «бывших скорее каменными сваями, чем настоящим фундаментом», устанавливались колонны, общий вес которых достигал 226 тонн. Нередко диаметр этих устоев меньше основания колонны, что в особенности неблагоприятно для устойчивости таких масс. Наконец, единственным скреплением устоев, поддерживавших колонны, являлась насыпь из гравия и земли, покрытая очень тонким слоем плит.

Тут сказалось явное незнание, небрежность или злоупотребление со стороны строителей гипостыля.

Этим столь недолговечным фундаментам угрожали две причины разрушения: себах и разлив Нила. «Первоначально гипостиль был необитаем, и опасаться действия селитры было нечего. Но с началом христианской эры жилища становились в нем все многочисленнее, и громадные залежи себаха и всякого рода отбросов, которые пришлось извлекать, чтобы добраться до одной части старинного пола, показывают, какое это имело значение. Слой их достигал более чем 1 м 80 см в толщину. Пагубное влияние селитряной земли во сто крат усилилось медленным вековым повышением нильского дна. Если вычисления, сделанные Гран-пашою и Вантр-пашою, точны, среднее повышение речного дна путем наноса горных пород доходит до 96 мм в столетие. А основание гипостыля возвышалось всего лишь на 33 см над уровнем разлива; через каких-нибудь двести лет после постройки вода уже просачивалась до фундамента зала; 13 веков спустя, т. е. около 600 г. н. э., вода в пору наводнения поднялась выше уровня зала и нашла землю, уже обильную селитрой.» Вывод отсюда – селитра, получившаяся из растворенного себаха, в течение тринадцати столетий переносилась водой с места на место, и глыбы очень пористого песчаника выветривались до высоты, которая в настоящее время колеблется в момент разлива между 2–3 м над уровнем почвы.²⁹

Против повышения уровня Нила и вторжения воды в храм Попечительство о древностях безоружно; все же остальные причины разрушения побороть возможно, и вот какой план был выработан для спасения Карнака, а при случае и других храмов, которые бы очутились в подобных же условиях непрочного существования: во-первых, удаление себаха; во-вторых, разборка по пластам колонн разбитых, пошатнувшихся или подозрительных; в-третьих, полная переделка фундаментов и восстановление колонн; в-четвертых, умеренное орошение в пору разлива с целью промыть почву, пропитанную селитрой.

Этот план кампании, очень простой, представлял громадные трудности для своего выполнения в Карнаке; дело шло о его применении к северной части гипостыля, где со времени обвала одиннадцати колонн земля была усеяна сегментами, капителями, абаками и архитравами, вес которых колебался между 5 и 40 тоннами. Эти крайне тяжелые работы должны были производиться под угрозой внезапного обвала уцелевших колонн – многие из них находились в неустойчивом равновесии или очень угрожающем состоянии расшатанности. Необходимо было, чтобы точные и ясные инструкции Масперо применялись к делу человеком энергичным, который при случае сумел бы взять на себя инициативу удачных и смелых действий и знал сильные и слабые стороны Карнака. Этими качествами в высокой степени обладал Жорж Легрен, состоявший при работах в Карнаке с 1895 г.; благодаря ему задача отстройки Карнака разрешена в настоящее время в самых трудных своих частях.

Работы начались в декабре 1899 г. К концу первой кампании, в 1900 г., было разобрано по сегментам пять колонн, расшатанных падением соседних; вторая кампания была посвящена расчистке одиннадцати рухнувших колонн и удалению себаха. Земля была свободна от обломков; можно было обнажить фундамент; его камни оказались здоровы и не пропитаны селитрой. Следовательно, главной причиной обвала было несовершенство кладки фундамента, а не порча камня от действия воды. Установив это, Масперо дал предписание относительно способа отстройки. Под каждым рядом колонн нужно было прорыть траншею шире основания колонны и первоначальной глубины (2 м 15 см); этот ров надлежало заполнить бетоном в металлической обшивке и на нем восстановить колонны; каждая колонна одного ряда соединится с соответствующей колонной соседнего бетонной связью, которая скрепит новый фундамент со старым. План был немедленно приведен в исполнение. 12 апреля 1902 года лорд Кромер заложил пер-

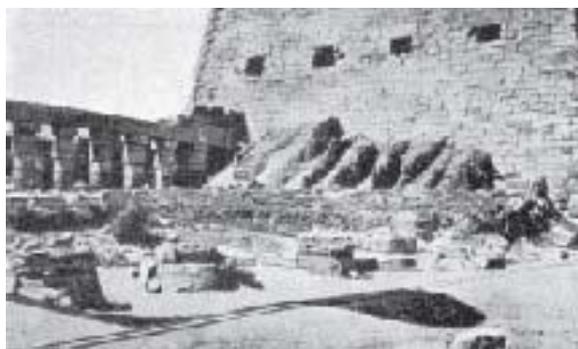
---

²⁹ Rapports de M.M. Maspero, Legrain, Ventre-Pacha, Grand-Pacha et la Commission, réunie à Karnak après la catastrophe du 3 octobre 1899. (Annales du Service des Antiquités, т. I след.)

вый камень нового фундамента, а в 1903 г. одиннадцать рухнувших колонн были возведены на высоту шести метров. Камни, разъеденные себахом под землей или разбитые падением, клались на места, подвергнувшись следующему лечению: цементной штукатуркой, а иногда и большими обломками песчаника покрывались пробоины, заделывались отверстия, причем те части, на которых были рельефы или надписи, выступали на один сантиметр над новой облицовкой. «Таким путем сохранялась соответственная архитектурная форма, позволяя отличить древнее от современного.»

Летом 1903 г. новый фундамент подвергся испытанию водой; он вышел из него победителем, и в 1904 г. Легрен мог водворить по местам верхние части, стволы колонн, капители и абаки. Но тут представилось серьезное затруднение. Необходимо было скрепить и наверху отстроенные колонны, которые снизу держались новым фундаментом. Между тем, потолка не существовало уже целые века; уцелевшие архитравы поломались при падении или пришли в полную негодность. Как заменить их? Сначала предполагалось устроить целую сеть железных скреп или хомутов, надетых на шею колонны пониже капители. Масперо удалось отстранить этот безвкусный проект: обручи заменили железными брусьями, переброшенными с капители на капитель и скрытыми оболочкой из цемента и бетона, которой дадут форму античных архитравов. «Это скрепление распространится на все колонны гипостиля, а может быть, сочтут желательным восстановить и плоскую крышу, некогда покрывавшую весь зал.» Постановка на места капителей и восстановление архитравов заняла зимы 1905–1906 гг.; в марте месяце последнего года я имел возможность быть свидетелем этих интересных работ. В настоящее время следы разрушения, причиненного катастрофой 1899 г., изглажены; остается оградить другие части здания от повторения подобного случая. Задача, несомненно, нелегкая, но это не более как вопрос терпения и денег: метод работы создан, опыты сделаны, результаты убедительны.*

Однако же этот метод – кстати сказать, один из любопытнейших результатов предпринятых работ, – стал удобоприменимым и осуществимым на деле только после того, как Легрен изучил и вновь применил приемы стройки египетских зодчих. Удаление сегментов рухнувших колонн хотя и представляло большие трудности, все же оно носило характер обычных работ. Напротив того, когда пришлось сносить колонны, оставшиеся на местах, и спускать с высоты 20 метров на землю массы в 50 тонн, архитекторы и археологи стали в тупик. Следовало ли соорудить помост, который был бы вторым гипостилем из дерева, и установить на его потолке тали достаточной силы, чтобы раснастить и оснастить корабль фараонов? Дело было признано невозможным как из-за расходов, так и по недостатку материалов, рабочих и времени, которого нельзя было терять. Легрену, изучившему Карнак до малейшего камня, стоило только порыться в памяти, чтобы понять, каким образом древние египтяне разрешили подобную задачу с обратной целью, не разрушения храма, а его сооружения, не для спуска архитравов, а для их подъема.

Рис. 5. Карнак. Древняя насыпь, служившая лесами при постройке

Войдя в большой двор Карнака, вы не преминете заметить в северо-западном его углу земляные откосы, подпертые кирпичными стенками; они тянутся по бокам пилонов и скрывают колонны портика до капители (рис. 5). Колонны и пилоны остались недостроенными, и откосы эти не что иное, как строительные леса.³⁰ Итак, способ египтян заключался в том, что они повышали уровень земли, куда подвозился материал, благодаря чему кладка его не представляла уже затруднений. Насыпи поднимались одновременно с колоннами и стенами; когда гипостиль крылся плитами потолка, он оказывался доверху заполненным землей, благодаря чему рабочие укладывали плиты кровли и архитравы так, точно они работали на высоте человеческого роста на естественном уровне земли.

Остается объяснить, каким образом тяжелые камни доставлялись на растущую насыпь. Из того, что осталось еще в Карнаке на месте, мы усматриваем, что египтяне применяли два способа. Когда места было достаточно для расширения насыпи, они делали откос очень отлогим, и глыбы, положенные на валы, вкатывались могучими руками сотен рабочих. Барельеф одной могилы XII династии в Эль-Берше изображает этого рода работу; дело идет о подъеме монолитного колосса, размеры коего даны: 6 м 50 см высоты. Статую, помещенную на деревянные полозья, втаскивают четыре ряда рабочих по 43 человека в каждом; надсмотрщик отбивает такт, хлопая в ладоши, а помощник его поливает землю водой, чтобы ослабить трение и избежать нагревания деревянных частей.³¹ Но иногда, по недостатку места, нельзя было развернуть на откосе такое количество людей или удлинить насыпь, чтобы сделать ее более покатой. В таких случаях вдоль стены здания строили лестницу, кирпичные ступени, на которых устанавливались деревянные подъемные машины; их употребление обнаружил Легрен. У египтян, как и у нас, был обычай пользоваться для торжества закладки первого камня здания роскошными инструментами, в уменьшенном размере, но точно воспроизводящими форму настоящих орудий; таковы наши золотые и серебряные молотки и лопаты. Мы храним их в музеях, египтяне же замуровывали их в фундамент, где мы их иногда и находим. В числе этих инструментов найдено «нечто вроде деревянной люльки из двух половин, состоящих из круглых сегментов», соединенных перемычками. (Представьте себе качающийся бювар, какие можно встретить у нас на любом письменном столе.) Аркой свода это быть не могло: «на некоторых экземплярах есть надписи, которые оказались бы опрокинутыми, если бы приборы изображали собой арку». Легрен, а за ним и Шуази доказали, что инструмент мог употребляться не иначе как в качестве волока или качающейся подъемной машины, управляемой посредством рычага; поочередные колебания позволяли поднимать нагруженную камнями машину по кирпичным лестницам, найденным в Карнаке. По Геродоту³², египтяне V столетия рассказывали, что пирамиды были построены при помощи легких приборов, движущихся по лестнице, которая состояла из наложенных друг на друга камней. Весьма вероятно, что эти легкие орудия и есть «качающиеся подъемные машины» Легрена. Итак, вдоль насыпей, поднимавшихся постепенно до потолка гипостилия, мы должны представить себе ряд ступеней: большие глыбы поднимались по ним рычагами, а камни средних размеров – качающейся подъемной машиной. Легко понять, почему в Карнаке не осталось и следов употребления деревянных помостов при постройке зданий: египетские памятники сооружены при помощи откосов, которые свозились, едва закончилась работа, и подъемных машин, передвижных и небольших размеров, которые исчезли бесследно.

³⁰ Ср. Choisy. *L'art de bâtir chez les Égyptiens.* – Paris, 1904.

³¹ См. вишнетку Масперо. *Histoire*, I, с. 335.

³² II. 125. Ср. Диодор, I, 63.

Рис. 6. Карнак. Разборка колонны

Когда Легрену пришлось приступить к спешной работе по перестройке, у него не было в распоряжении сильных машин; на то, чтобы выписать их из Европы, не хватало ни времени, ни денег. И вот, по примеру египтян, он устроил насыпи, подпертые кирпичными стенками, и на этом повышенном уровне установил имевшиеся детали. После бесконечных предосторожностей подъемные винты отделили расколотые архитравы, тали приподняли их и положили на волок; оттуда было уже сравнительно легко спустить их на землю, предоставляя им скользить по скату. На спуск одного архитрава в 30 тонн идет времени не более одного утра, я сам видел это в 1904 г. Когда колонны были снесены, нужно было срыть откос, прорыть фундамент, потом снова поднимать насыпь по мере роста колонн, водворенных по местам. Прошлой зимой я был свидетелем применения тех же самых приемов для отстройки капителей, какими пользовались в 1904 году для их разборки. Античный метод, подкрепленный современными машинами, помог, таким образом, действовать с должной быстротой, а главное, с экономией денег и наверняка (рис. 6 и 7).

Рис. 7. Карнак. Наклонная насыпь для разборки колонны

Это не значит, что Попечительство о древностях не умеет использовать данных современной науки и техники. Методы меняются сообразно состоянию зданий и вкусу археологов. Так, в Эдфу для выполнения задачи несколько иного характера Барсанти пренебрег древними приемами. Окружающая храм стена, с западной стороны, внушала самые живые опасения. Это гигантское сооружение из песчаника, около 20 метров высоты, тоже пошатнулось в своем

основании; фундамент опускался в землю, а весь средний пояс выпадал, «выпячивался горбом», образуя весьма опасную выпуклость над коридором. Барсанти взял на себя неблагодарную задачу снести всю стену и положить ее горизонтально по окрестному пустырю, тщательно отметив по номерам и расположив по местам каждую отдельную глыбу. Странное зрелище представляли разложенные плашмя на земле мифологические сцены войн Хора против Сета, благодаря которым нет цены этим тщательно разложенным тысячам обломков. Восстановив фундамент, Барсанти камень за камнем поднял всю стену; он так ревностно оберегал эти куски, что ни один из них не пропал. Теперь создается такое впечатление, будто со времен Птолемея никто не касался стены. Но это лишь начало: прошлой зимой был подведен фундамент под портик в западной части двора. Барсанти пренебрег способом фараонов и построил превосходные леса для поддержки плит потолка и архитравов и опоры для колонн.³³

«Я никогда не мог без тайного ужаса, – писал Масперо в своем «Отчете» за 1905 г., – решаться на такие крупные операции, где малейшая небрежность со стороны руководителя работ может повлечь за собой целое бедствие. Однако в данном случае крайность была слишком велика, и я имел основания опасаться в непродолжительном времени обвала, подобного тому, который нанес такие повреждения гипостилу Карнака. Долгий опыт Барсанти, его хладнокровие, образцовая однородность подобранного им рабочего состава и полное его к нему доверие – все это для меня является твердой порукой того, что он с честью выдержит это испытание». Действительно, мне довелось увидеть эти рискованные работы на пути к благополучному завершению без единого несчастного случая в апреле 1906 г. Достаточно провести несколько часов в Эдфу, чтобы понять, как много самоотверженности и смелой настойчивости нужно археологу, ведущему до конца эти трудные и опасные работы в полном одиночестве, без слова одобрения, разве что со стороны туристов, порой только докучных.

По завершении этих работ Барсанти и его товарищей призовут другие местности для новых неблагодарных трудов. Думают спасти святилище в Курне, расшатанное до самого основания; большие пилоны Карнака и храма Рамсеса, из треснувших стен которых высыпалась внутренняя насыпь – подобно начинке гигантского пирога с растрескавшейся коркой, – ожидают рабочих, которые, восстановив старинные откосы, водворили бы на место обвалившиеся камни. Какие неожиданные откровения готовят нам тексты и барельефы громадных восстановленных стен?

Из работ, произведенных в Луксоре, Карнаке, Эдфу и многих других местах, ясно видно руководящую идею нынешнего директора Попечительства о древностях: «посвятить все средства укреплению и систематической расчистке храмов и кладбищ». Общество предоставляет более счастливым частным предприятиям и ученым обществам заботу об увеличении числа египетских памятников путем новых раскопок, исключая, однако, те местности, где раскопки являются дополнением расчистки, как в Карнаке, Саккара; вне этого оно ограничивается сохранением древности, бывшим доньше в большом пренебрежении. Такой ученый, как Масперо, по общему признанию стоящий на первом месте в мире египтологов, может позволить себе отдаваться целиком задаче с виду самой незаметной и наименее завидной из всех, какие представляет Египет. Но эти чудеса терпения и методичности в самих себе таят награду нередко неожиданной цены. Так, в Карнаке в силу простой необходимости пересыпать землю для устройства откоса Легрен попутно находит больше памятников, чем их было собрано с героических времен, когда Мариетт производил раскопки в Серапеуме. Из-под земли или обломков выступают целые храмы: храм Рамсеса III, храм Птаха Фиванского, храм Осириса, Владыки Вечности; великолепные, до сих пор неведомые колонны, остатки Фив, воздвигнутые Сенусертом III, XII династии; законченное здание, построенное Аменхотепом I, впоследствии разрушенное по неизвестным причинам Тутмосом III, засыпанное землей, но настолько сохра-

³³ См. отчет Барсанти в «Les Annales du Service des Antiquités», т. VII.

нившееся, что можно будет вновь отстроить его целиком;* наконец, на дне ямы, наполненной стоячей водой, просочившейся из Нила, лежит вход в тот чудесный тайник, откуда за два года, с 1903 по 1905, вышло 800 статуй всевозможных размеров и разных эпох, некоторые прекрасной работы и, большей частью, покрытые текстами крупного исторического значения, и более 15000 бронзовых предметов.³⁴ Раскопки не закончены, несмотря на то что они достигли 12 м в глубину; тайник продолжал давать еще этой зимой*... В Саккара расчистка от песка навела Куибелла на следы пирамид, возведенных царями династий гераклеопольских, до тех пор неизвестных; несколько севернее Барсанти уже два года очищает от песка роскошный гранитный памятник, который еще не открыл своей тайны, но кажется старейшим из всех зданий, известных донныне... Подобные находки вознаграждают за время, посвященное задаче неблагодарной, ответственной. Ими объясняется радость и терпение, с какими рабочие и инженеры, ремесленники и египтологи работают в настоящее время над открытием доисторической Саккара и неведомых Фив, которые выступают из своих развалин, чтобы, как во времена славы бога Амона, затмить сопернические города.

* * *

Дело Масперо и его энергичных сотрудников имеет значение, выходящее за пределы Нильской долины. Из этого практического урока археологи всех стран могут извлечь много пользы, хотя поглощенные работой ученые трудятся без шума, без рекламы и дают знать о себе лишь законченными делами. Нет ничего более спорного, чем вопрос о восстановлении античных зданий. Огульные решения тут не имеют места. Нужно считаться с состоянием большей или меньшей степени расшатанности памятников, их вероятной устойчивостью; особенно важно установить, сводится ли их значение к чисто художественной ценности, или же они важны для историка и археолога.

С точки зрения практической не подлежит сомнению, что предоставлять полуразрушенные здания самим себе губительно для сохранности их частей. Когда есть возможность восстановить стену или колоннаду, пользуясь достаточным количеством древних камней, благоразумнее реставрировать. В этом отношении Масперо удалось воспользоваться исходными точками, опираясь на работы, которые велись в других местах. Отправленный правительством хедива в 1905 г. на археологический конгресс в Афинах, он использовал это назначение, чтобы изучить решение Грецией проблемы расчистки и поддержания античных памятников. «Я отправился, – пишет он, – в Дельфы, где Гомоль показал мне на месте приемы для достижения данной цели, потом в Олимпию, в район немецких раскопок. Вид этих двух местностей убедил меня в том, что мы были правы, удаляя обломки и отстраивая здания там, где это было возможно, пользуясь исключительно старым материалом. Обломки архитектурных и скульптурных памятников, предоставленные влияниям непогоды на местах нахождения, быстро истлевают, тогда как поставленные на первоначальные места, они крепнут и сохраняются. В Олимпии храмы или части их, которые могли бы продержаться еще долго, будучи реставрированы тотчас по нахождении, обречены на неминуемую гибель в весьма непродолжительном времени, благодаря тому что им предоставлено лежать на земле. И наоборот, сокровищница афинян и другие здания, реставрированные Гомолем в Дельфах, на долгие годы обезопасены от действия атмосферных влияний. Это заставило меня настойчивее следовать по намеченному пути и поднимать или дополнять памятники, материалы которых уцелели в достаточном количестве и с такими указаниями, что их можно с полной уверенностью водворять на места»³⁵.

---

³⁴ Об этой находке см. G. Maspero. *Revue de l'ancien et moderne*, 1906. Легрен начал описание статуй в каталоге Каирского музея (I том появился в 1906 г.).

³⁵ *Rapport*, 1905.

И однако – говорить ли? – что-то утрачивают реставрированные храмы – меланхолию запущенных развалин, влекущее очарование мертвых городов. В нашей жажде знания не налажем ли мы кощунственную руку на трупы храмов? Дело ли это истинной цивилизации – препятствовать неизбежному разрушению того, что было великим и прекрасным и не будет таким больше никогда? Вернется ли былое величие гипостилю с его возведенными заново колоннами, где множество пятен свидетельствует об ударах времени, с его частью поддельными архитравами? И увидим ли мы жилище Амона, когда живописные трещины пилонов заменятся правильными линиями отстроенных стен? Истинные Фивы, разве это не Фивы развалин, где обитает смерть, а не реставрированный город, в котором все равно будет недоставать человеческой жизни.

Мучительные вопросы, которые с новой силой встают в уме каждый раз, когда видишь современную деятельность в схватке с тайной древних развалин. Я видел, как вдоль откоса спускался внушительный архитрав. Громадный камень был обвит пальмовыми листьями, украшен знаменами, чтобы заклясть злой рок; феллахи тянули канаты и громкими голосами отвечали на окрики надсмотрщика, который воззваниями к Аллаху делал их движения ритмическими. По мере того, как спускался камень, в воображении у меня возникала точно такая же картина, происходившая на этом же самом месте более чем три тысячи лет тому назад, когда доставленная из Сильсиле глыба поднималась по откосу таким же способом под звуки такого же пения. Камень и тогда почитался и украшался как священный; быть может, о нем говорилось то, что говорилось о многих других камнях и что мы читаем в каменоломнях Вади-Хаммамата: «Чудо, происшедшее в то время... Когда рабочие спускались с горы, явилась чудесная газель: она шла впереди и вела наших людей, которые шли, устремив глаза на нее. Она ни разу не обернулась, пока не дошла до этого камня на величественной горе... Тогда она родила на этом камне на глазах у всего войска; ее зарезали, сожгли на камне вместе с ладаном, и глыба благополучно прибыла в Египет...»³⁶

Теперь именем Магомета спускается и поднимается камень, покорный рукам неверных. Напрасно газель отдала свою жизнь, а дневные рабочие – свой труд. Дело, которому столько тысяч существ в течение столетий посвящали свою жизнь, утрачивает что-то из своей тайны и высокохудожественного значения, когда инженеры и археологи изучают его слабые места, сносят и восстанавливают стены.

Но то, что совершается теперь в Египте, не есть дело кощунственного любопытства. Реставрация храмов – неизбежное зло для предотвращения более крупных бедствий. Задача не в том, чтобы доставить взорам банальное удовлетворение при виде непрерывных линий и вполне законченных зданий. Красота линий – не единственное достоинство египетских храмов: ее, быть может, было бы еще больше, если бы предоставить их своему облику умирания и если бы одни художники искали здесь поучения. Эти колонны, эти стены покрыты фигурами и текстами, единственными в истории мысли и человека; спасти эти обломки летописей, эти отрывки молитв и теогоний – значит сохранить человечеству его фамильные документы, его древнейшее умственное наследие. Вот почему нужно, необходимо отстраивать, восстанавливать колоннады и порталы. Пусть будут спокойны художники и чуткие души: священного камня касаются благочестивые руки.*

³⁶ Erman. Wunderzeichen in Hammamat, Zeitschrift für aegyptische Sprache, XXIX, с. 60.

II. Дипломатия фараонов

В конце лета 1887 года в одном из мало посещаемых округов Среднего Египта, около деревни Хагги-Кандиль, населенной бедуинами Эль-Амарны, феллахи в поисках строительного материала в неисчерпаемых каменоломнях, какими являются старые храмы, мирно разрушали некоторые части стен боковых пристроек большого здания, что ныне признано дворцом Аменхотепа IV (XV в. до н. э.).

Аменхотеп IV был сыном Аменхотепа III и той царицы Тейе, чьи печати найдены в микенских дворцах Крита и Греции. Египет в то время господствовал над всем Востоком после того, как фараоны XVIII династии подчинили себе острова Средиземного моря, Красного моря и Переднюю Азию. Чтобы подойти к Дельте и Сирии, Аменхотеп IV покинул Фивы, столицу своих предков. На севере Ассиута, в Среднем Египте, находилась царская столица Ахетатон. В этих-то развалинах и рылись наши феллахи.

Очищая почву от накопившегося мусора, они нашли больше, чем могли ожидать, – прекрасные кирпичи, некоторые обожженные, большая же часть из сырой глины, четырехугольные и продолговатые; они были очень мелкозернистые, цвета черного, желтого и красного. Это был превосходный материал для наших импровизированных каменщиков. Пришло ли кому-нибудь из них в голову стереть вековую пыль? порыв ли ветра сдвинул песок, забивший поры ила? Но кирпичи внезапно явили странные вырезанные знаки, словно проведенные стилетом и разделенные правильными линиями. Всем крестьянам известно, что их земля изобилует сокровищами, поэтому с кирпичами, носящими начертания, обошлись бережно. Принялись рыть землю; в непродолжительном времени обнаружили два тайника в виде колодцев: они оказались наполнены исчерченными кирпичами. находку сложили в корзины, навьючили ими ослов, и через несколько дней торговцы Ахмима, Луксора и Каира уложили в свои склады часть документов.

Первыми учеными, извещенными об этом, были Буриан, директор французской школы в Каире, и Гребо, в то время директор Попечительства о древностях; они купили несколько экземпляров и, весьма изумленные открытием в Египте склада вавилонских таблиц, покрытых клинообразными письменами, сообщили о документах самым сведущим ассириологам, Опперту, профессору College de France, и Сэйси из Лондона. Изумление было так велико, что, прежде всего, специалисты сочли их подложными и пренебрегли ими. Но, узнав о существовании сотен, а по другим сведениям – тысяч исписанных кирпичей, мало-помалу заволновались: казалось невероятным, чтобы поддельватели могли быть так расточительны.

Музеи Лондона, Берлина, Вены, Парижа сделали несколько скромных закупок; большая часть перешла в руки Даниноса-паши, в Александрии, и коллекционера Графа, перепродавшего их Берлинскому музею. Начиная с апреля 1888 года всякие сомнения рассеялись. Сэйси расшифровал имена царей Вавилона и сирийских вождей; великий египтолог Берлина Адольф Эрман прочел картуши фараонов Аменхотепа III и Аменхотепа IV, начертанные клинообразными письменами, и оказалось, что кирпичи эти были в высшей степени интересными посланиями, которыми во времена гегемонии Египта обменивались князья Сирии или пограничных стран и их сюзерены, фараоны. Это была древнейшая известная до сих пор дипломатическая корреспонденция, ей 34 века, и ее-то вьючные ослы несли в корзинах, исправлявших по этому случаю должность «чемоданов».

Как прискорбно признаться, что критический дух ученых оказался для документов пагубнее невежества феллахов! Не один кирпич был искрошен острием исследователей и разбит во время перевозки. Так же был некогда изуродован «Королевский папирус», находящийся в Турине. Его нашли невредимым и поместили в кувшин, чтобы перевезти на спине осла; когда кувшин вскрыли, папирус был весь искрошен. Его склеенные куски все еще являются самым

ценным хронологическим документом египетской истории. Кирпичи Эль-Амарны, бывшие в пренебрежении у торговцев, отвергнутые учеными, понесли непоправимый ущерб во время своей скитальческой судьбы. Из них едва ли уцелело триста, а в начале их было, пожалуй, вдвое. Зато оставшимся теперь нет цены. Ассириологи всех стран, Сэйси и Бадж в Англии, Бецольд и Уинклер в Германии, Халеви, Делатр и Шейль во Франции, перевели и снабдили комментариями эти тексты, ставшие, благодаря глубокому их изучению, доступными широкой публике.

* * *

Когда таблицы Эль-Амарны были вкратце расшифрованы, оказалось, что эта дипломатическая переписка распределена по сериям: тут было 6 писем одного вавилонского царя, 9 – царя Аляшии, 4 – царя Митанни; в тех и других обсуждались отдельные случаи, что указывает на правильные сношения. 46 посланий принадлежало некоему Рибадди; 5 или 10 отправлены из Иерусалима Арадгиббой и Азиру, губернатором одного сирийского города; около сотни корреспондентов представлено одним-двумя письмами. Итак, мы имеем дело с настоящими письменными актами. На одном из кирпичей упоминается о «складе архивов царского двора»; одно из нижеприведенных писем приглашает фараона справиться с экземплярами, которые хранятся в его канцелярии. Две развалившиеся комнаты Эль-Амарны и были, по-видимому, складом архива Министерства иностранных дел фараона.

Это просто кладовые, куда сваливали в кучу кирпичи, заботясь о них столько же, сколько о кипах бумаг на чердаках наших министерств. Краткая надпись египетскими знаками, начертанная на полях одной клинообразной депеши, гласит, что первоначально склад находился в Фивах, столице фараонов XVIII династии; но когда Аменхотеп отверг Фивы как религиозный и политический центр, общественные учреждения были перенесены в Ахетатон (Эль-Амарну) и дипломатические архивы водворены в скромный дворцовый флигель.

До нас дошли некоторые указания относительно служебного персонала при архивах: найдена именная печать, принадлежавшая «Джедену, подручнику Шамаса-Ники». Джедену, судя по имени, – египтянин; по-видимому, он занимал должность писца под начальством Шамаса-Ники, несомненного вавилонянина. Флиндерсу Питри, производившему основательные раскопки в этой части Эль-Амарны в 1891 г., удалось открыть имя еще одного чиновника, написанное чернилами на камне: «царский писец Хеперра». Он думает, не без основания, что это был египетский директор Правления, под чьим начальством находился вавилонянин Шамас-Ники, при котором, в свою очередь, состоял египтянин Джедену.³⁷

Присутствие иностранца-вавилонянина объясняется тем, что все дипломатические акты написаны клинообразными, т. е. иностранными для Египта письменами. Употребление этого языка при дворе фараона было нововведением; ни в одном документе более раннего периода на это нет никаких указаний; неудивительно потому, что к этой иностранной «дипломатии» был приставлен иностранец. Как нам известно, египетские иероглифы изображают буквы, звуки слогов и понятия фигурами людей, животных, растений, всевозможных предметов, воспроизведенных с самой добросовестной правдивостью; знаки очень легко узнавать, а для египтологов зрительное их чтение даже привлекательно и легко. У вавилонян, напротив того, письменные знаки, бывшие вначале фигурами, аналогичными египетским иероглифам, очень быстро подвергались стилизации, а потом видоизменению. Употребление мягкого кирпича как материала и стила для начертания письмен привело писцов Евфрата к замене прямых и извилистых линий человеческой и звериной фигуры или очертания предмета рядом прямых штрихов, которым стило придавало вид гвоздя или угла (откуда название клинообразные письмены). Мало-

³⁷ Sayce, у Fl. Petrie. El-Amarna, с. 23.

помалу звезда, голова животного, человеческая рука превратились в группы штрихов, следующих друг за другом в горизонтальном или вертикальном направлении; в настоящее время неопытному глазу так же трудно узнать в них первоначальную фигуру, как в китайских знаках, представляющих не более как силуэты существ и предметов, искаженные преувеличенной стилизацией.

Зато, если клинообразные письма мало привлекательны для глаза, у них есть преимущество определенности и легкости начертания. Вот почему, как это подтверждают кирпичи Эль-Амарны, они были приняты во всей Западной Азии, вероятно, со времен почти баснословного покорения Сирии и Месопотамии Саргоном Старшим, царем Вавилонским (3500 лет до н. э.). «Начертание этих писем, – говорит Халеви, – есть вавилонская скоропись; язык – обыкновенный вавилонский, который в те времена был литературным наречием не только северных семитов, но всех народов Тавра и Амануса, обладавших некоторой цивилизацией. По верхнему течению Евфрата вавилонское начертание было уже принято в несемитических наречиях этих стран».

Этому очень любопытному обстоятельству мы обязаны находением среди писем Эль-Амарны двух посланий, написанных клинообразными знаками, но языком еще неизвестным Митанни: мы можем прочесть в этих письмах звук, но не смысл. Некоторые индоевропейские племена Передней Азии тоже приняли вавилонские начертания как письменное выражение своего языка: в музее Гимэ имеется несколько текстов одного индоевропейского языка, найденных Шантром в Каппадокии и начертанных клинообразными письмами.

Несмотря на географическое соседство вавилонской цивилизации, получившей распространение благодаря письменности, египтянам, служившим в отделе корреспонденции, нужна была настоящая интуиция, чтобы стоять на высоте роли переводчиков и редакторов. Язык и письмо, с которыми приходилось иметь дело, были настолько трудны, что в пособие им был составлен словарь, отрывки которого найдены Питри. Это кирпичи, аккуратно разделенные на три столбца: в первом написан знак письма, идеограмма; во втором – его переложение в равнозначных звуках семито-вавилонского наречия, бывшего в ходу у разных народов Западной Азии; в третьем – произношение этих знаков по-шумерски, т. е. на оригинальном вавилонском языке. В одном трактате есть указание на то, что словарь составлен «по приказу царя египетского»; отсюда можно вывести, что фараон требовал от своих писцов основательного знания иностранного языка, так как, в сущности, шумерское произношение могло понадобиться только тем, кто хотел знать все тонкости клинообразного начертания.³⁸

Понятно, почему всячески поощрялось изучение иностранного наречия, если мы примем во внимание, что оно не только употреблялось в корреспонденции с царями или вождями Азии, но им пользовались и сами фараоны. Длинное послание Аменхотепа III к царю Вавилона составлено на том же языке, что и письмо, на которое он отвечает³⁹; один из последних принцев Египта писал своему отцу фараону клинообразными знаками; египетские губернаторы переписываются с канцеляриями метрополии на вавилонском языке, а не египетскими иероглифами.⁴⁰ Тот факт, что для дипломатической корреспонденции употреблялся только этот язык, имеет важное значение для определения взаимной ценности научной и литературной культуры в Халдее и Египте в XV в. до н. э. Но с исторической точки зрения, на которой мы стоим, это интересно еще в одном отношении: мы видим, что в деле управления своими азиатскими провинциями фараоны выказали хитрость и политический такт, по меньшей мере, неожиданные. Более подробное изучение системы их господства готовит целый ряд неожиданностей для тех,

³⁸ Petrie. El-Amarna, табл. XXXII, 5.

³⁹ Revue Sémitique, I, 1893, с. 49.

⁴⁰ Journal Asiatique, 1891, I, с. 213, 215.

кто думает, что политика протектората и дипломатическое воздействие на далеком расстоянии суть искусство современности, незнакомое древним.

* * *

Египет считал себя в безопасности по отношению к Азии лишь при условии захвата в свои руки ключа Сирийского пути, который через Табору, Яффу и Газу всегда приводил в Дельту азиатские нашествия, так что, когда фараоны XVII династии отгнали вторжение пастухов, или гиксосов, за пределы Суэцкого перешейка, все их наследники XVIII династии (около 1500 г. до н. э.), Тутмосы и Аменхотепы, поспешили занять эти прибрежные города, получившие название «Ступеней» Востока, – Газа, Ашкелон, Тир, Сидон, Арвад; отсюда они поднялись к ущельям Мегиддо, ключу Палестины, и к перевалу Кадеш, воротам долины Оронта и верхнего Евфрата.

Побережье и первые плоскогорья Сирии находились под непосредственным влиянием фараонов. На берегу мы уже застаем те морские республики с семитическим языком и олигархическим образом правления, которым эллины впоследствии дали название финикийских; внутри страны Иерусалим и земля Ханаанская заняты другими семитами, но еще не евреями Моисея; Исход еще, может быть, не начинался или, по меньшей мере, не завершился: евреи находятся в Египте, блуждают в Синайской пустыне и в степях заиорданских. По ту сторону, в Передней Азии, от Александрийского залива до Персидского, простиралось государства, одни более недавние, другие очень старинные: царство Аляшия по нижнему течению Оронта, царство Митанни по верхнему Евфрату, царство Ашшура по среднему Тигру, царство Кардуниаш, которое унаследовало могущество Вавилона над нижним Евфратом. Эти-то князьки побережья и плоскогорий и цари передних стран шлют фараонам, Аменхотепу III и Аменхотепу IV, послания, найденные в Эль-Амарне. Первые – вассалы, вторые – союзники; с одними фараоны придерживаются политики протектората, с другими вступают в союзы.

Послания⁴¹, исходящие из городов Сирийского побережья, из Палестины, из долины Оронта, одним словом, из всей египетской провинции Сирии, гласят, что у фараонов ни в одном из этих городов не было представительства ни в лице живущих в них египетских чиновников, ни в виде постоянной военной силы. В Тире, Сидоне, Библе, Иерусалиме мы встречаем и царских подручников, называвшихся хазани; «их города принадлежат им; их подданные склоняются перед ними». Это не египтяне, их имена показывают, что они туземцы; часто они происходят из старинных местных родов; иногда они обладают царским титулом; иногда хазани являются преемниками царей. Быть может, египетская политика покровительствовала олигархическому разделению в ущерб монархии, более грозной для иностранцев. В некоторых городах, Арваде, Тунипе, нет ни царя, ни хазани: это небольшие республики; совет сановников, «дети города Тунипа» или «жители города Иргеты» непосредственно сносятся с фараоном.⁴² Во всех случаях эти местности пользуются самоуправлением и обращаются к египетской канцелярии без посредников.

Выражения, в каких те или другие из местных властей изъясняют свое подданство, полны забавной покорности: «Царю, моему владыке, моему богу, моему солнцу, царю, владыке моему, сказано следующее: ”Я, хазану города... твой слуга, прах ног твоих и земля, которую ты попираешь, доска твоего сидения, скамейка для ног твоих⁴³, копыто коней твоих, я семи-

---

⁴¹ Все цитаты сделаны по превосходному переводу J. Halévy, появившемуся в «Journal Asiatique» с 1890 по 1892 гг. и «Revue Sémitique», 1893–1894. Кроме того, я воспользовался поучительными статьями P. Delattre (Revue des Questions historiques, т. LI–LX, 1892–1896) и классической «Историей» Г. Масперо.

⁴² Revue Sémitique, 1894, с. 16.

⁴³ Псалмы евреев, в свою очередь, гласят: donec ponam inimicos tuos scabellum pedum tuorum.

кратно припадаю животом и спиной к пыли у ног царя, моего владыки, солнца небес”». Главные свойства хазани, их значение и лучшие качества, которые они себе приписывают, выражаются ими следующим образом: «Я слуга царя, домашний пес его, я стерегу всю страну... для царя, моего владыки».⁴⁴

В обычное время переписка сводится к нескольким образцам: в стране спокойно, царских повелений слушаются, подати правильно направляются в Египет. Так, городской голова Сидона пишет: «Царь, мой владыка, извещается, что город Сидон, раб, доверенный мне, спокоен. Когда я узнал приказ, посланный мне царем, моим владыкой, сердце мое преисполнилось радости, я поднял голову, лицо и глаза мои просияли, когда я исполнил приказ царя, моего владыки... вот: твой слуга посылает тебе сто быков и рабынь. К сведению царя, моего владыки, солнца небес».⁴⁵

Если фараон отправляет посла, обоз с товарами или отряд стрельцов, хазану обязан их сопровождать, обеспечивать их безопасность и продовольствие: «Царь, мой владыка, солнце небес, направил ко мне посланника Джамия; вот: я выслушал приказ царя с величайшим вниманием... я со своими отрядами и повозками, с братьями и воинами, мы отправились навстречу отрядам стрельцов к месту, указанному мне царем». Когда сам царь посещает свою сирийскую провинцию, верный слуга должен кормить его и его отряды: «Царь, мой владыка, с его многочисленными отрядами возвращается в свои страны, и вот, я выслал крупный скот, запасы масла навстречу великому войску царя, моего владыки». В бедных горных провинциях иной хазану не в состоянии исполнить эти повинности и униженно просит прощения: «Пусть царь, мой владыка, пошлет за маслом: у меня нет ни коней, ни повозок, чтобы отправиться навстречу царю, а сына своего я послал в страну царя, моего владыки».⁴⁶

Чтобы досмотреть за точным выполнением его приказов, у фараона есть свои вестники, «очи и уши царя в чужеземных странах», как выражаются египетские протоколы. Они поставлены выше всех туземных правителей; за очень редкими исключениями, это египтяне и видные сановники двора фараонов. Их расследования очень боятся: «Пусть царь, мой владыка, спросит у всех своих вестников, верный ли я слуга моего царя; пусть царь спросит такового, он увидит, что это правда». Эти инспектора могли быть и постоянными, но у них не было определенного места жительства. Они властно вмешиваются в затруднительных случаях с обязательством, однако, давать отчет фараону.

А затруднительные случаи бывали нередко. Из этой переписки египетская провинция Сирия представляется нам как бы бесконечно раздробленной на мелкие автономные области, находящиеся в постоянном соперничестве; между теми или другими хазану возникают непрерывные столкновения, и самые эти раздоры как будто бы нравятся фараону, который находит в них элементы своего могущества, искусно выражая то благоволение, то строгость и всюду заставляя считаться со своей волей как с конечной инстанцией. Со всех сторон прибегают к помощи фараона; то разбойники грабят такой-то город, то хазани бессовестно захватывают участки земли, принадлежащие соседним городам: «Знай, о царь, что разбойники возмутили эти города против меня... я как птица, попавшаяся в сети или в клетку... Пришли мне стрельцов из Египта». Испрашиваемое количество более чем умеренно: губернатор Мегиддо просит о присылке двух стрельцов, губернатор Тира испрашивает двадцать, Библа – четырех с двадцатью колесницами (колесницы Египта были в то время неотразимы; гомеровские воины заимствуют свои колесницы у египтян); в особенно затруднительных случаях повышают число до двухсот египетских солдат.⁴⁷ Эти данные показывают, что фараоны не содержали в

---

⁴⁴ Journal Asiatique, 1892, I, c. 272; Revue Sémitique, 1894, c. 110.

⁴⁵ Journal Asiatique, 1891, II, c. 170.

⁴⁶ Revue Sémitique, 1893, c. 304–314; Journal Asiatique, I, c. 297, 318, 325.

⁴⁷ Journal Asiatique, 1891, I, c. 252, 244; 1892, I, c. 310.

Сирии постоянного гарнизона. Губернаторы пользуются своими собственными войсками, но они желают присылки нескольких египетских солдат, играющих, несомненно, роль инструкторов и составляющих кадры из туземных войск, по тому же приему, каким пользуемся мы в Сенегале, в Тонкине, в Марокко.

Из многочисленных «дел», о которых идет речь в переписке Эль-Амарны, есть два, которые, приблизительно, доступны разбору во всей своей последовательности и дают очень живую картину египетской политики в Сирии. Это дела Азиру и Арадгиббы. Вот краткое их изложение по разборам Халеви и Делатр.

* * *

В одном округе северной Финикии, называемом страной Амурру, на хазану Азиру фараону отправлен донос его товарищем из Библа, по имени Рабимур.⁴⁸ Несмотря на заверения покорности, которые он шлет египетскому послу Деди, Азиру формально обвиняется в умерщвлении трех царей соседних городов и всех сановников страны с целью присоединения их городов к своей области. Азиру оправдывается и пишет: «Сановники города Симиры не оставляли меня в покое, и никакого проступка по отношению к царю, моему повелителю, я не совершил». Тут вмешивается новое лицо, которое пишет сухо: «Именем царя, твоего владыки, управителю города Амурру»: это может быть только египетский инспектор, передававший ответ фараона на сделанное Рабимуром донесение:

«Истинно, говорит он ему, ты не с царем, твоим владыкой. Если ты хочешь принести царю повинную, в какой награде отказал бы тебе царь? Но если ты хочешь продолжать действовать таким образом, мятеж в сердце твоём, и ты умрешь вместе с твоим семейством. Подчинись царю, твоему владыке, и ты останешься в живых... Я говорю тебе: покинь вершину этой горы (где Азиру укрылся) и явись перед лицом царя, твоего владыки; или же пошли сына твоего к царю. Разве нет у тебя детей, которые могли явиться? Знай, что царь могущественен, как солнце на небе, и что отряды его и колесницы многочисленны в Верхней и в Нижней стране, от востока до запада».⁴⁹

Поставленный перед необходимостью личного самооправдания при дворе египетского царя, Азиру предусмотрительно избегает отказа: он пишет с разных концов посланникам Деди и Хаи и самому фараону, что он выезжает, что он уже едет... и остается. Извещая о своем отъезде, он упоминает о нападении царя хеттов на город Тунип: кто защитит этот город, если он, Азиру, не останется на своем посту? «Я и сын мой, мы верные слуги царя; итак, я и он, мы немедленно пускаемся в путь... пусть знает мой повелитель, что я спешу повиноваться. Но царь поручил мне защищать его владения, и теперь царь хеттов в стране Нухашше, в городе Тунипе... я опасаюсь за владения моего хозяина». Отправился ли Азиру в Египет? Дело его обрывается в эту роковую для него минуту. Если судить по прежним случаям, Азиру, должно быть, сумел избежать страшного испытания – явиться лично или послать сына в качестве заложника в руки фараона.

Дело Арадгиббы сложнее: здесь замешано личное соперничество чиновников и щекотливый вопрос дипломатической неприкосновенности.⁵⁰ Арадгиббы был губернатором Иерусалима. Имя Израиля, впрочем, нигде не упомянуто в его письмах; оно встречается на одной египетской стеле фараона Мернептаха (ок. 1250 г. до н. э.), который хвалится тем, что подавил Израиль в Сирии в то время, когда, по преданию, израильтяне находились еще в Египте. Но имя

---

⁴⁸ P. Delattre, «Azirou» в «Proceedings of the Society et Biblical Archaeology», т. XIII, с. 215.

⁴⁹ Ср. J. Halévy, Journal Asiatique, 1891, II, с. 176.

⁵⁰ J. Halévy. Un gouverneur de Jérusalem vers la fin du XV siècle a. J.-C., Revue Sémitique, 1893, с. 13. – Ср. Journal Asiatique, 1891, II, с. 514.

Арадгиббы указывает на его семитское происхождение. У него оспаривали власть Милькили и Шумардата, туземные агенты египетского правительства. Последние обвиняли его в соучастии с шайками разбойников, грабивших Палестину по приказу Буррабуриаша, царя Вавилона: иррегулярные войска вавилонского царя нарушили союз своего повелителя с египетским царем, потому что Буррабуриаш был им серьезно оскорблен.

В одном письме к Аменхотепу IV он говорит об отправлении посольства, снабженного подарками, в Египет:

«Мои уполномоченные, до тех пор благополучно совершавшие путь, были застигнуты насильственной смертью в Палестине. Они покинули твоего доброго брата, чтобы явиться к тебе, когда, по прибытии в город Акру, сопровождавшие их (от лица фараона) умертвили моих уполномоченных и завладели подарками... Это Шумардата отрезал ноги моим людям и вырвал у них пальцы; что касается другого, он первый, по чьему наущению их головы попирали ногами... Допроси этих людей, произведи расследование, собери сведения, и ты узнаешь правду. Земля Палестинская – твоя земля, и цари ее – твои данники; это в твоей стране мне был причинен ущерб. Повели произвести следствие, повели вернуть отнятое золото и повели казнить людей, умертвивших моих людей, и пусть пролитая ими кровь падет на их головы. Если ты не казнишь смертью этих людей, мои военачальники убьют всех твоих людей и твоих посланников, так что отныне всякие сношения между нами прекратятся, и солдаты их будут поступать с тобой как с врагом».⁵¹

Эти угрозы были приведены в исполнение, но Шумардата обвинил Арадгиббу в покровительстве предприятиям вавилонян, и вопрос об умерщвлении послов ступшевуется перед личным соперничеством уполномоченных египетского царя.

Арадгибба пишет царю пламенные послания: «Кто же осудит мои действия, глубоко клевета перед царем, моим владыкой, говоря: "Арадгибба изменил своему владыке?" Смотри: ведь не слуги моего отца и не слуги моей матери доставили мне это место; это рука царя могущественного ввела меня в дом отца моего. Почему же бы я принял на себя преступление неверности и предательства по отношению к царю?»⁵² Арадгибба желал бы оправдаться лично. «Я сказал себе: отправлюсь к царю, увижу города царя, но у меня есть сильный враг, и я не могу достигнуть до царя». И не желая пренебречь ни одним средством удачи, Арадгибба трижды заключает свои послания припиской, относящейся к царскому писцу: «Писцу царя, моего владыки, сказано следующее: Я Арадгибба, твой слуга, я повергаю себя к стопам моего владыки. Я твой слуга. Снеси благоприятные слова (в мою пользу) царю, моему владыке. Я слуга царя, а также и твой»⁵³. Мы видим, что «ходатайства» канцелярий имели свое значение для удачного исхода дела со времен XVIII династии.

Ходатайства были тщетны. Аменхотеп IV как будто бы склонился в пользу Шумардаты и Милькили: они получили приказ низложить Арадгиббу силой. Долго наемники, бывшие на содержании соперничающих управителей, и разбойники опустошали Палестину. Арадгибба покинул Иерусалим, чтобы вести войну в Палестине, а управление вручил одной женщине, Белитнеши, которая дважды писала фараону в его пользу.⁵⁴ Неизвестно, чем кончилась борьба. Буррабуриаш и Аменхотеп IV помирились, что же касается Арадгиббы, он вероятно, в конце концов пал под ударами соперничающих самолюбий.

В течение этих раздоров, превращающих их богатую провинцию Сирии в поле битвы, фараоны выказывают часто равнодушие, которое было бы непонятно, если бы не было предумышленно. Мы знаем, по жалобам данников, что их ответы на донесения приходили с про-

---

⁵¹ Journal Asiatique, 1899, II, с. 325.

⁵² Journal Asiatique, 1891, II, с. 519.

⁵³ Journal Asiatique, 1891, II, с. 524, 527, 529.

⁵⁴ Journal Asiatique, 1892, I, с. 302–304.

медлением, если только приходили. Рассмотрите это послание маленькой республики Тунипа, которая спрашивает себя, покровитель ей фараон или нет:

«Город Тунип, слуга твой, говорит: Кто некогда отличил город Тунип? Разве не Аменхотеп III отличил его? С той поры боги и статуя египетского царя, нашего владыки, пребывали в городе Тунипе. Пусть наш владыка справится в архивах того времени, принадлежим ли мы нашему владыке, царю Египта! Мы отправили уже двадцать писем царю, нашему владыке, и посланники наши остались у нашего владыки... Теперь город Тунип, твой город, плачет, слезы его льются, и нет никого, кто бы помог нам. Мы написали уже двадцать писем царю Египта, и ни одного ответа не пришло к нам от нашего владыки»⁵⁵.

Существует более сотни писем подобного рода в актах Эль-Амарны. Вывести ли отсюда заключение о закоренелой небрежности Министерства иностранных дел в Египте? Вернее будет допустить, что восточные добродетели медлительности, осторожности, обдуманного бездействия были в ходу в дипломатии фараонов. Царь Египта, по-видимому, умел сообразовать свою действенность с неотложностью дел; во многих случаях выиграть время, предоставить события своему ходу и выжидать, с тем чтобы вмешаться в решительную минуту, было лучшим врачеванием легких хронических недугов в странах, находившихся под протекторатом. И кроме того, эти междоусобия были важны для поддержания иноземной гегемонии: разделять, чтобы царствовать, – этот принцип создал силу фараона в стране, которую он достаивал изображениями богов и своей собственной божественной особы,⁵⁶ но где у него были одни дипломаты и кадры офицеров без постоянных отрядов войска.

* * *

С крупными державами Тавра и Евфрата, Аляшией, Митанни, Ассирией, Кардуниашем (Вавилоном) египетская дипломатия придерживается другой политики. Цель фараонов – окружить сирийские провинции полосой государств-буферов, которые ослабляли бы столкновения между страной Ханаанской и кочевыми племенами Средней Азии, из которых наиболее угрожающими были хетты. Эта роль выпала на долю старых династий Ашшура и Вавилона, значительно утративших свой прежний блеск, но все еще грозных и влиятельных; а иногда фараон возводит на степень союзников выскочек, царствовавших в Аляшии и Митанни.

Это уже не отношение покровителя к данникам: каждый из этих варваров смотрит на фараона как на равного. «Царю Египта, брату моему, говорится: ”Я царь Аляшии, твой брат, я здоров и посылаю горячие приветы тебе, твоим родным, твоим служанкам, твоим детям, твоим женам, с искренним поздравлением по случаю многочисленных колесниц твоих и коней и с пожеланиями стране твоей Египту”»⁵⁷.

Царь ассирийский, от которого до нас дошло только одно письмо, пишет более сухо: «Аменхотепу IV, брату моему, сказано: ”Мир тебе, твоим родным, твоей стране”»⁵⁸. Тон переписки сердечен, если монархи соединены кровными узами родства: «Аменхотепу III, великому царю Египта, моему брату, моему зятю, которого я люблю, который меня любит, сказано: ”Я, Тушратта, великий царь страны Митанни, твой брат, твой тесть, который любит тебя, я здоров и шлю тебе свои приветствия, тебе, моему брату и зятю, твоим родным, твоим женам, твоим сыновьям, твоим слугам”»⁵⁹. Со своей стороны Аменхотеп IV, обращаясь к царю Кардуниаша,

---

⁵⁵ Revue Sémitique, 1894, с. 16.

⁵⁶ Revue Sémitique, 1893, с. 316.

⁵⁷ Journal Asiatique, 1890, II, с. 335.

⁵⁸ Journal Asiatique, 1890, II, с. 331.

⁵⁹ Journal Asiatique, 1890, II, с. 331.

употребляет точно такие же выражения.⁶⁰ Из этих отрывков ясно следует, что дипломатический формуляр существовал уже в те времена, чтобы придать переписке корректность, единообразие редакции с оттенками личного расположения.

После обмена установленными приветствиями монархи взаимно делились состоянием здоровья. Одно письмо Бурра-буриаша служит примером потешной обидчивости в этом отношении:

«С того дня, как явился ко мне посланник брата моего, я не был здоров. Во время моего нездоровья брат мой не подбодрил меня. Я сердился на брата моего, говоря: "Не слыхал разве брат мой, что я болен? Почему не шлет он своего гонца и не заботится обо мне?" Посланник брата моего ответил: "Страна не настолько близка, чтобы брат твой успел узнать об этом и мог отправить к тебе посланника справиться о тебе"... Действительно, я узнал от моего вестника, и он сказал мне: "Это очень далекое путешествие". С тех пор я перестал сердиться на брата моего...»⁶¹

---

⁶⁰ Revue Sémitique, 1893, с. 49.

⁶¹ Journal Asiatique, 1890, II, с. 321.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.